

Б.И. Эгиз

Воспоминания о К.К. Костанди*

Во время моей последней командировки в город Киев я работала в архиве Института истории искусства, фольклористики и этнографии им. М.Т. Рильского. Там хранится привезенный некогда из Одессы архив документов Товарищества южнорусских художников. В нем есть текст биографии художника К.К. Костанди, написанный современником, человеком, близким художнику и его семье, Б.И. Эгизом. Старательный студент в мастерской художественного училища, Эгиз стал в свое время значительным художником. Он не имел такого уж огромного круга почитателей, но ко всему прочему был прекрасным педагогом и секретарем товарищества.

Эгиз Борис Исаакович 30.07.1869 – 1946 Вильнюс. Живописец. Учился в коммерческом училище, затем в ОРШ (1886-1888) и в АХ (1890-1894). В 1895-1897 продолжил обучение в Париже в академиях Р. Жульена и Ф. Коларосси, посетил музеи Парижа, Венеции, Флоренции, Берлина, Дрездена, Мюнхена, Вены. По возвращении в Одессу с 1897 до 1920-го преподавал рисование в гимназиях города, давал частные уроки, принимал участие в выставках ТЮРХ. Член ТЮРХ с 1893. Секретарь о-ва с 1904 по 1909. «Это художник серьезный, строгий к себе, художник, анализирующий... Его рисунок строго правилен. Закончен, колорит до мельчайших подробностей выдержан в ярко реалистическом направлении. Любя свое искусство, художник отдается ему с увлечением, и это сказывается во всем его творчестве, даже в любовно законченных аксессуарах»**.

* Текст находится в ИИИФЭ им. М.Т. Рильского. Фонд 38, ед. хр. 3, лист 31.

** Соломонов М. XIX выставка картин Товарищества южнорусских художников в 1908 г.

Его рукопись – это полусохранившийся выцветший текст на папирусной бумаге. По-моему, это черновые наброски. Особенности текста сохранены. Биография не такая системная и скрупулезная, как у другого биографа, В.Ф. Лазурского, но искренняя и сердечная, и со многими подробностями. Как любой подлинник, текст кроме очарования несет в себе массу вопросов. Но уже то, как формулирует Эгиз события и факты жизни одного из самых замечательных художников Одессы, необычайно интересно. Отрывки этого текста мы можем встретить в книге А.Н. Шистера «К.К. Костанди», 1975 г., в книге Н.Ю. Асеевой «Украинское искусство и европейские художественные центры. Конец XIX – начала XX в».

Биография написана до отъезда Б.И. Эгиза в эмиграцию в августе 1922 года. Эгиз упоминает многие живописные произведения Костанди. И это стало для меня первой задачей при чтении данной биографии. О каких работах идет речь? При жизни художника Костанди не было ни одной его персональной выставки. Прижизненного авторского списка вещей тоже нет. Произведения художника Костанди упомянуты без дат. И как писал сам Лазурский, «Под одним названием мы находим не только ряд повторений и вариантов, но и совершенно различные вещи».

Марина Верховецкая

Первый раз я встретил художника Костанди в 1887 году, когда я поступил в Одесскую рисовальную школу Общества изящных искусств.¹ Одновременно со мной тогда учились многие из... (известных) теперь в Одессе художников.² Я помню, Костанди очаровал нас с первых же дней своим удивительным даром не стеснять индивидуальность в учащихся, никогда и ничего не навязывать, он очень (тонко) истолковывал им художественную сущность изображаемого и вселял любовь к непосредственному и внимательному изучению природы и исполнению. Он предостерегал нас от манерности, от всего вычурного, крикливого и поверхностного. Указания его всегда были меткими, ясными и значительными, причем особенное внимание с первых же дней обучения было им обращено, главным образом, не столько на сухую академическую выучку, сколько на художественную сторону исполнения, и клонились к широкому развитию вкуса учащегося. Очень трогало нас не только особенное внимание к каждой из на-

ших работ. Много лет спустя он вспоминал наши ученические работы и помнил до мелочей то, что было в них удачно и неудачно исполнено. Все мы горячо любим его за его сердечность, отзывчивость, прямоту, бескорыстие и доступность. Он всегда очень заботливо относился к нуждающимся из нас, доставал для нуждающихся краски и ходатайствовал об освобождении от оплаты за учение. Он не был сухим односторонним педагогом.

Любил беседовать со своими учениками по разным вопросам искусства, всегда очень охотно отвечал на все волновавшие их запросы. Эти беседы развивали его учеников и способствовали развитию понимания и оценке художественной сущности в произведениях... Наконец, когда мы поехали в АХЗ в Петербург для продолжения художественного образования, то там с особенной гордостью выслушивал мнение о нем таких авторитетов, как знаменитый художник Чистяков и Репин. Чистяков говорил, что «Ваш добрый учитель, судя по его ученикам, приезжающим в академию, учит беседовать с природой, открывает им тайны очарования ее и тонко истолковывает ее художественную сущность».

И.Е. Репин им же говорил: «У вас в Одессе есть такой исключительный художник К.К. Костанди, который может дать вам не только не менее любого из нас, но даже в некотором отношении никто из нас его вам заменить не сможет, так что у вас, собственно, и не было особенной необходимости приезжать сюда только для того, чтобы учиться у нас. Работы его учеников, появившиеся на годичных отчетных выставках в залах Петербурга, поражали художественный совет академии и всех обозревателей этой выставки своей свежестью, любовными исканиями, отсутствием рутины и чисто художественной непосредственностью исполнения в отношении от произведений других школ, тут же выставляемых».

Ему впоследствии неоднократно предлагали занять место профессора в Петербургской Академии художеств и в школе живописи-ваяния в Москве, но он каждый раз отклонял эти предложения, не желая расставаться со своей любимой школой и с южным солнцем и природой – источниками своих вдохновений. Его дивно исполненные произведения появились сначала на

Сидит, подперев голову, Б.И. Эгиз, правее сидит в шляпе Е.О. Буковецкий

выставках в Одессе, впоследствии также ... (способствовали) нашему развитию, и мы у них также многому учились. Я помню, также: неотразимое впечатление произвели на нас первые виденные нами произведения нашего дорогого учителя на передвижной выставке в Одессе. Это были «Гуси»⁴, которые находятся в настоящее время в бывшем музее Александра III в Петербурге и выдворявшиеся в «галерею Терещенко» в Киеве.⁵ Мы сразу почувствовали, какой это замечательный художник и какое исключительное место он должен занимать среди русских художников того времени.

Восторгам нашим и изумлениям пред его великолепной правдивостью не было пределов, и мы с нетерпением ждали следующих годичных выставок.

В 1891 году мне посчастливилось в окрестности Винницы провести несколько летних месяцев в семье дорогого учителя.⁶ Семья его тогда была еще малочисленной и состояла из трех лиц: из него, его супруги и грудного младенца их (старшей дочери). Дорогой учитель мой со свойственной ему любовью и энтузиазмом все свободное время от многочисленных семейных задач, вызванных болезнью дочери, посвящал живописи. Тут я впервые наблю-

дал дар Кириака Константиновича за его работой. Он писал тогда свою картину «Идиллия»⁷ и переделывал фон на картине «Возле веранды»⁸, и написал целую серию необыкновенных изумительных этюдов. Палитра его была до чрезвычайности простой: 6-7 красок удивительно... разнообразного колорита. Он меня поразили своей влюбленностью и настойчивостью, с которой исполнял свои произведения. Так, например, в картине небольшого размера «Варка варенья»⁹ он бесконечное число раз переписывал ветви черешни, (находившиеся) в центре картины на втором плане на фоне неба, постепенно соскабливал ее до тех пор, пока не добился того, что поставил себе задачи, и так он поступал всегда. Картину «Идиллия» он писал на холсте без предварительной подмалевки и начал ее с центрального места на втором плане, ежедневно снова ее писал с 3-х точек вокруг как бы приемом музыки... Он ее правил потом 2½ месяца, достигнув великолепных результатов, и впоследствии всегда гордился ею, считая ее особенно удавшейся. Нередко мы отправлялись с ним на этюды, любовались природой. Он писал свою этюды в маленьком карманном ящичке и большей частью, несмотря на малый их размер, писал по нескольку сеансов.

По вечерам мы большей частью беседовали с ним по вопросам искусства, а беседовать с ним было сущим счастьем, так как он говорил всегда очень просто, с увлечением с особенной влюбленностью, обладал очень большой художественной эрудицией. Он часто вспоминал свои годы, проведенные в Петербурге, когда учился в Академии художеств, с особенной любовью своих друзей – Дубровского, Кудрявцева и Афанасьева, с последним он жил. Всех их троих он изобразил на своей картине «У больного товарища», находящейся в галерее Третьякова в Москве. И что они... все четверо работали, о чуждом ему по академии стиле... Он рассказал, что в то время господствовал академический стиль, который довольно упорно навязывался ее воспитанникам, и что он вынужден был идти своим самостоятельным и независимым путем, так как ни в коем случае не мог согласиться ни с какими ограничениями свободы творчества.

Лишь один профессор того времени, знаменитый П.П. Чистяков, составлял исключение, он был против академической ру-

тины, и только у него одного из академических преподавателей мог учиться К. К. Он о нем всегда вспоминал с особенной любовью и благодарностью. П.П. Чистяков был пламенный поклонник мастеров эпохи Возрождения и восторженно говорил о них дорогому К. К., и впервые он узнал о всем великом их значении, их произведениях. Он с особенным усердием стал копировать в Эрмитаже Тициана и Рубенса, Венеру и портреты и внимательно осматривал и изучал богатые сокровища живописи Эрмитажа.¹⁰ По его словам, это много способствовало (развитию) его художественного вкуса, техники и пониманию красоты глубокого тона и интенсивного колорита. К. К. всегда говорил, что главной задачей для живописца должны служить утонченная и непосредственная передача той разнообразной красоты зрительных впечатлений, которые на каждом шагу порождают искательного и чуткого художника поэта. И действительно, он всю свою жизнь, начиная с академической скамьи, был неподражаемым певцом этой красоты. С особым удовольствием он вспоминал, как и когда писал свои первые картины, что также относится к академическим годам. С особенной любовью он вспоминал картину «У больного товарища», «В люди», «Свидание».¹¹ Все знают о том, какое впечатление производили эти картины на находившихся в это время в зените славы знаменитостей, художников Репина и Крамского, как их поразил блестящий колорит и техника этих произведений. Они часто стали посещать К. К. и своими советами много способствовали развитию его таланта. К. К. выставил эти первые свои произведения на передвижной выставке в Петербурге и сразу занял на ней исключительное место, резко выделяясь из всей среды русских художников того времени. Впоследствии мы, его ученики, поняли, какое огромное значение было отведено нашему учителю в истории русской живописи. Он был, несомненно, одним из первых русских художников, истинным *plain'air*, и им прославлено, и замечательно то, что он в своих произведениях прекрасно разрешал те задачи колорита, которые дотоле были поставлены плеядой славных пленэристов в Париже. С ними ему удалось познакомиться лишь впоследствии, во время 3-его путешествия в главные центры Европы,¹² после которого он еще с большим великолепием смог давать яркость вибрирующе-

го света и чудесную игру рефлексов в тенях, возбуждая своими произведениями еще до того времени почти никем в России не испытанные зрительные художественные эмоции. В этом отношении тогда с ним рядом можно было лишь поставить Серова, которого К. К. очень любил, с которым он был связан впоследствии личной дружбой, и произведения которого очень высоко ценил. К. К., однако, никогда и впоследствии не подражал импрессионистам Запада, и даже резко отличался от них тем, что не ставил себе их излюбленных задач – передачу быстро проходящих мимолетных впечатлений и движений, и в отличие от них, всегда старался давать более доведенную и законченную форму, не ограничиваясь лишь передачей первого светового и цветового впечатления. Он большей частью подолгу создавал свои произведения и некоторые из них писал два или более трех летних сезона, совершенствуя их и усиливая в них художественную сущность. Так он, например, писал свои «Сирень»¹³ и «Весной» с фигурой одинокого монаха на фоне монастыря.¹⁴ Эти замечательные картины находятся теперь в одесских музеях. Все то, что открыл дорогой К. К. после 1891 года, то есть после того лета, которое я провел с ним в окрестностях Винницы, было уже создано на моих глазах, так как я стал часто бывать в его семье. Картины свои он писал, главным образом, двумя манерами: одна – о которой я говорил, о картине «Идиллия», то есть манерой этюдной, *a la prima*, без предварительной подмалевки, а другая – это по предварительной подмалевке, которую он заготавливал обыкновенно большей частью на ... в зимнее время по этюдам и затем на лоне природы доводил их, наблюдая самую действительность.

Так ... были написаны и его «Идиллия», и «Весна», и мн. др. Ведя свою работу два и более трех летних сезонов, он бесконечное число раз переписывал почти каждое место, то соскабливая, то накладывая слой на слой, но обладая изумительной техникой и чувством меры, произведения его, несмотря на это, никогда не носили характера вымученности, сухости, и были удивительно свежими и очаровательными в своей ... исполнения. Он всегда говорил, что его влечет больше к писанию этюдов, когда он занят непосредственной передачей волновавших его в данный момент впечатлений, предпочитая их картинам, где ему приходится сум-

Слева направо: П.А. Нилус, Б.И. Эгиз, стоит Т.Я. Дворников, крайний справа В.Х. Заузе

мировать свои отдельные впечатления и многое дополнять интуитивным путем от себя. Интуиция и зрительная память у дорого учителя также были поразительно развиты, как, например, свои картины «Цветет акация»¹⁵, «Сирень» и «Весной», где изображены быстро проходящие мимолетные виды, он писал в течение почти всего лета, когда уже от весны и помину не оставалось, продолжая наблюдать форму в природе и заканчивая их, дополняя наблюдения воображением. Но что бы он ни писал, он черпал непосредственно из своих наблюдений над природой, наблюдений длительных и глубоких, и непосредственно с природы – вот чем можно объяснить то обстоятельство, что он не писал ни ... ни капризного, часто сменяющегося моря, за не ... исключением «штиль», ни гроз и т. д. По той же причине, вероятно, он не изображал и зимы, так как зиму он проводил в городе, и потому мало ее наблюдал. Он предпочитал живопись на лоне природы, или *plan air*, перед живописью в домашней обстановке, то есть *une interieur'a*. Им написано также несколько великолепных портретов по этюдам, но ... его тоже меньше влекло. Часто говорил он, что после великих мастеров Возрождения, в особенности (он осо-

бенно любил) до Рафаэля (раннее Возрождение), (а также) интимную группу художников, так называемых барбизонцев – Коро, Добиньи, Диаза, Миле, Тройона и др., которые были ему особенно по душе, которые он копировал в прекрасном Кушелевском собрании картин, находящемся в залах академии.¹⁶

Любил он в них непосредственность, скромность в выборе задач, любовное отношение к природе, отсутствие напыщенности, хвастливости, крикливых эффектов и сухой фотографичной протокольности. И в нем самом, безусловно, можно отметить прекрасное сочетание любовно(го) искания формы и тона барбизонцев с использованием вибрирующего света воздуха импрессионистов в истории живописи в протяжении XIX века и интенсивного и яркого колорита неоимпрессионистов, более (позднего) времени. Он часто вспоминал также и те два лета, что он провел в Мариновке¹⁷ еще до женитьбы, в имении художника Кузнецова в Херсонской губернии, где он и два брата Кузнецова очень дружно жили и работали, там был написан и портрет дочери дорогого К. К. Дмитрием Кузнецовым. Вспоминал он и о совместном рисовании в обществе художников Врубеля, Серова и Кузнецова в Одессе.¹⁸ В последнее время краски на его картинах были особенно интенсивны и выразительны, и в этом отношении замечательны его картины «Цветет акация», «Симфония» и «Размолвка». Особенного внимания также заслуживают его великолепные эскизы и картины, между которых есть неоконченные ... написанные на сюжеты из Евангелия – он был по природе религиозным человеком и в последние годы жизни с особенной любовью отдавался творчеству в религиозном духе.¹⁹

В 1910 году минуло 25 лет его художественной деятельности. Тогда буквально вся Одесса в течение стольких дней с гордостью поздравляла с этой победой своего любимца. Для одесских художников, обожавших своего дорого учителя, эти дни никогда не сотрутся в памяти. Это для нас были исключительно праздничные дни нашей жизни. Чествование было очень ... дорогому юбиляру был оказан триумф, в котором принимала участие не только вся Одесса, но ... и вся Россия. Во всех более или менее крупных органах печати появились прекрасные о нем отзывы с иллюстра-

циями его произведений и пожеланиями самых теплых (слов), и его портретами.

Со всех концов России были присланы приветственные телеграммы и письма, как от выдающихся художников, так и от других почитателей его таланта. Из полученных писем особенно выделялось письмо И.Е. Репина. Он писал: «От Ваших картин всегда веет теплотой, жизнью и красотой! Все, что Вы изображаете, полно прелести и технического очарования. С первого взгляда это скромное, бесконечно милое создание художника. Но стоит остановиться – и эта небольшая по обыкновению картина начинает увеличиваться в размере, расцветать в прелестных блесках колорита, и все пластичнее и пластичнее (становится) ... форма. Вот лекарство! Стоит ... радоваться (от того) созерцания природы и всей красоты, которую видит ... художник!».

Дорогой К. Костанди не только в России, но и на Западе изумлял знатоков своей блестящей и в то же время утонченной техникой и колористическим дарованием. Он получил на Всемирной выставке в Париже медали.²⁰ Художник Дм. Кузнецов знал, как в Париже были поражены тем, что в России такие тонкие художники, как К.К. Костанди, он тогда показал эскиз к его картине «Старички». Успех его был непередаваем... (Отличными) были и этюды, написанные им за два месяца до смерти в одесском санатории, – такие свежие, прекрасные и значительные, как и все то, что выходило из-под его мастерской кисти до сего времени. Уже ставшие самостоятельными в его указаниях и советах художниками мы всегда приходили (к нему) в студию. Дорогой К.К. Костанди, несмотря на свое исключительное дарование и свою известность, всегда благодаря своей скромности нуждался, и это заставляло его ... перегружать себя уроками – кроме художественной академии он много времени уделял частным урокам и урокам в гимназиях, которые его особенно почитали. Много времени он уделял также художественной общественной работе, где он был незаменимым ... Его всегда приглашали на такую работу, и он был одним из самых деятельных добросовестных участников всяких комиссий... Он был вдохновителем и учителем организации южнорусских художников, и очень любимым, и несменным председателем этого объединения. Три десятилетия чле-

ном Общества изящных искусств, членом передвижных выставок и также ... музея.

Очень много времени ему приходилось уделять в заботах о своей многочисленной им любимой все испытавшей ... семье своей. Если ко всему тому прибавить особенно тяжелые переживания его за последние годы (смерть сына в 1920 г. в Красной армии), то для нас станет понятным, почему ушел в вечность преждевременно этот великий человек, обладавший сильным от природы организмом и прекрасным здоровьем. При других обстоятельствах он мог бы еще многие годы жить среди нас и творить свои произведения. Перегруженный физическим трудом и моральными страданиями, он еще год тому назад серьезно захворал. По настоянию врачей и друзей он лето провел за городом и хорошо поправился, но возвратясь в город и опять попав в водоворот тяжелых условий жизни, он вскоре снова захворал, и на этот раз еще серьезнее. Силы его все убывали, страдания его были очень тяжелы – он задыхался и не находил себе места... В один раз предчувствуя свою близкую кончину, он, задыхаясь, с большими паузами начал мне ... свою биографию с мытарства его юных лет и обещал продолжить в следующий раз, – но положение его настолько ухудшилось, что его из дому перевели в 4 клинику, и он больше к изложению не возвращался.

Через несколько месяцев, когда его перевели в санаторию, он почувствовал себя выздоровевшим и большим захватом энергии и жаждой к творчеству приступил к писанию этюдов. Я никогда не рассказывал одного из моих посещений К. К. в санатории, когда он меня радостно встретил, чувствовал себя здоровым, и мы отправились к обрыву, где он должен был продолжить начатый этюд. Вечер был чудесный, дорогой учитель писал этюд по предварительной живописи и выражал свои восторги по поводу часто меняющегося ... освещения, окидывая своим взором весь городок вокруг. Он говорил, что следовало еще изобразить. Я ушел от него счастливым его выздоровлением и под впечатлением всего пережитого в этот вечер. Но улучшение его состояния длилось недолго, и следующие 3-4 недели он пребывал в санатории, и силы его стали убывать. Его снова уложили и запретили работать, но он все же украдкой делал наброски.

Предчувствуя свою близкую кончину, К. К. продолжал интересоваться всем, что делается, подробно меня обо всем и обо всех спрашивал ... про семью ... (текст неразборчив). ... Он заботливо спрашивал об успехах его последних учеников... Я оповещал его... и давал мне некоторые указания по этому поводу. Очень интересовался своим любимым ...еем, беспокоился о том, что благодаря неисправности стеклянной крыши и сильной течи могут пострадать художественные произведения, и так почти до последнего дня он был всем этим озадачен. Наконец последовал последний роковой день. У его постели кроме обожаемой им семьи были я и художник Стилиануди, и мы были свидетелями его самых последних страданий, начавшихся еще до нашего прихода и продолжавшихся при нас еще пять часов. Он со всеми нами прощался, несколько раз поцеловал каждого из нас и, мучаясь в тяжелейших удушьях, бросал на нас умоляющий взгляд об облегчении его страданий и ускорении кончины. И в 10 часов вечера 20 октября он почил вечным сном. Мир праху твоему, мой дорогой учитель и друг. Не стало Великого человека и в его лице искусство вообще, вся Россия, и в особенности Юг с Одессой во главе понесли невосполнимую и самую тяжелую утрату. Он здесь создал целую эпоху, до него ... советом, а в настоящее время все профессора новой академии в Одессе и большинство местных, состоявших его бывшие ученики, кроме того, во всей России и на Западе немало его учеников, занимающих почетные места в мире искусства. До него в Одессе почти совсем отсутствовала ... (не читаемо).

Примечания

¹ Одновременно поступали Н.А. Околович, Е.О. Буковецкий.

² Учились Бершадский, М.В. Бант, Браз, Т.Я. Дворников, Д.К. Крайнев.

³ В 1890 г. поступали в Академию художеств Е.О. Буковецкий, Д.К. Крайнев, Н.Н. Лепетич, А.Н. Стилиануди.

⁴ См. ниже.

⁵ О какой передвижной выставке в Одессе идет речь? И о каких первых «Гусях»? Первые картины «Гуси» и «Большая на даче» были показаны художником Костанди на 17 передвижной выставке ТПХВ в 1889 г. в Петербурге и в Москве. Х. м. Размеров в этом каталоге нет – по каталогу «Товарищество передвижных

художественных выставок. Обзоры выставок в периодической печати». Изд. «Искусство». М. 1959 г.

По книге «Товарищество передвижных художественных выставок. 1871-1923. Энциклопедия». СПб. «Оркестр». 2003 г. Ред. Г.Б. Романов – на 17 передвижной выставке были «Больная на даче». 1888. 34×42 (В каталоге произведений Киевского музея русского искусства, утраченных в годы войны 1941-1945 гг. Жив. Граф. Киев. 1994 г. упоминается картина «Последняя весна. Больная на даче», 1889 г., х. м., 33,5×42, и «Девочка с гусями», 1888. ГРМ. Д. м. 31,5×27. Поступила в 1913 г. от Н.П. Кондакова.

Может быть, речь идет о передвижных выставках ТЮРХ в 1891 г. КATALOGИ не найдены.

Что же это за «первые» «Гуси»? Художник В.С. Бальц утверждал, что «Гуси с девочкой» были написаны еще в 1886 г. и подарены Н.П. Кондакову, от которого перешли в Музей Александра III в Петербурге. Но семья Костанди говорит, что это совсем другие «Гуси» – с девочкой на лужайке, а не на холме.

П. Нилус в статье к 25-летию юбилею педагогической деятельности К.К. Костанди пишет: «Приехав в Одессу в 85 году с подготовленными холстами в темной гамме, К. К. сначала пробует их закончить, но темные холсты скоро отворачиваются к стенке, и только много лет спустя они появляются на выставках. К этому времени относится первая заграничная поездка К. К-ча. Как бы отзвуком заграничного влияния появляется картина выздоравливающего в легких тонах (галерея Терещенко) (автор – Это картина «Больная на даче»). Год спустя К. К. уже нашел себя, и его 2 картины, изображающие гусей среди пейзажей в серой и золотистой тональностях, ему удаются удивительно». То есть в 1889 году уже, по словам Нилуса, было две картины с гусями.

Есть сведения в каталоге персональной выставки Костанди 1952 года: под № 33 «Гуси», 1886-1888. Эту для картины 1886-1888 г. Х. на к. м. 12,8×8 см. Собств. М.К. Костанди. И другие «Гуси», 1886 г. (или 1888 г.), находящихся в Русском музее СПб, как пишет каталог персональной выставки Костанди, Одесса, 1924 г. Эти же сведения подтверждает в своих воспоминаниях М.К. Костанди.

⁶ Село Мариновка – это Марьяновка рядом с селом Калиновка Коминтерновского района. У Лазурского – это место на берегу реки Буг.

⁷ В экспозиции Одесского художественного музея это картина «На веранде». Упоминается в каталоге музея как «Семейная идиллия. Первенец», 1891 г., х. м., 58×62. По книге А.Н. Шистера «К.К. Костанди» изд. «Художник РСФСР», 1975 г., – «Первенец (Семейная идиллия)», 1891. Д. м., 58×62, ОХМ. Была на XXI передвижной выставке ТПХВ в 1893 г.

В каталоге персональной выставки Костанди, Дворникова, Головка. Киев, 1941 г., под № 24 упоминается «Семейная идиллия. На даче». 58×62, х. м., 1892 г.

В каталоге персональной выставки К.К. Костанди, Одесса, 1952 г., «Семейная идиллия». ОХМ. Х. м., 58×62, 1891.

В биографии Костанди, написанной В.Ф. Лазурским, находящейся в каталоге выставки «Художественное общество им. К.К. Костанди», 2003 г., упоминается «Семейная идиллия», 1891. Вариант был у Е.К. Костанди-Синицкой под названием «Семейная идиллия», 59×66, х. м., ныне в Национальном музее украинского искусства в Киеве.

⁸ Скорее всего, это картина «На даче». Полдень, 1892 г., А.Н. Шистер, стр. 58, в которой раскрывается дар Костанди как колориста. Изображена дача в районе Большого Фонтана. Небольшой домик, крытый красной черепицей. К нему примыкает глинобитный сарайчик с саманной двускатной крышей, написанной в трепетных лилово-голубых тонах. Строения ограждены невысоким заборчиком. У приоткрытой калитки стоит освещенная солнцем девочка в красном платье. На полянке в густой траве утопает детская коляска, за которой наблюдает, сидя на стуле, молодая женщина в серо-лиловой кофте и коричнево-серой юбке.

⁹ По каталогу выставки «Картины о жизни. Русская живопись середины XIX – начала XX века из частных собраний Москвы и Санкт-Петербурга». Русский музей, 2007 г. Это картина К. Костанди «Варят варенье», 1891, х. на д. м. 40×46,5. Сл. вн.: К. Костанди, 1891. Частное собрание, Москва.

¹⁰ В Эрмитаже Костанди выполнил копию портрета Е. Фоурмен кисти Тициана. По Акту № 16 от 24 сентября 1938 г. – копия с портрета Е. Фоурмен, х. м., 89×76, выполненная Костанди, куплена у Е. Буковецкого для ОМЗВИ за 750 р.

¹¹ По каталогу персональной выставки К.К. Костанди 1941 г. картины «У большого товарища», «Свидание», «В люди» упоминаются как первые его картины.

Далее из каталога выставки Общества им. Костанди 2003 г.: «Проводя лето Псковской губернии, записывая этюды пейзажей, он задумал большую картину «Свидание». Сюжет картины опять в духе передвижников, на это раз в направлении народническом. На пригорке у лесочка сидит деревенская девушка. У ног ее лежит парень. Оба смущены. Это любовное свидание. Костанди работал над картиной два лета (1883-1884 гг.). Этюды девушки, парня и окружающего пейзажа писались целиком с натуры... Картина «Свидание» была закончена осенью уже в Петербурге. Это одно из самых больших полотен Костанди. Уроженец Юга, он чутко понял особенности северного неба и северного пейзажа. На выставке передвижников «Свидание» резко выделялось свежестью и сильной передачей солнечного света среди тусклых передвижнических картин. Прекрасная эта картина переходила из рук в руки частных владельцев и вывезена теперь за границу».

¹² В 1900 г. Костанди поехал вместе с Головковым, Стилиануди и Эгизом в Вену, Мюнхен, Швейцарию, Париж – по тексту биографии К. К., составленной В.Ф. Лазурским.

¹³ «Сирень». 1902 г.

В каталоге 1924 № 152 – «Цветущая сирень».

В каталоге 1941 № 39 – «Сирень», 1902 г. Д., м., 69×92 Спр. вн.: К. Костанди 1902.

В каталоге музея – «Цветущая сирень», 1902. Д., м., 70,5×93 Спр. вн.: К. Костанди 1902. Приобретена Одесской городской думой для Музея изящных искусств. 1903.

В НХМУ этюд для этой картины – «Сиренью» Д. м., 17,5×20,7. Спр. вн.: К. Костанди. Пост. в 1968 г. от Б.М. Васильева (Ленинград).

Лазурский пишет: «Монастырский пейзаж (семья Костанди жила на даче по Цыганской улице, что ведет в поле с базара 16 станции Большого Фонтана, в 1892, 1895) лег в основу картины «Цветет сирень» 1902, которая теперь особенно привлекает внимание публики, посещающей музей».

Из книги «Воспоминания об отце» Михаил Кириакович Костанди ...повторение картины «Сирень» было выполнено Костанди по просьбе подруги детских лет своей жены С. Бохановой.

¹⁴ Речь идет о картине «Монах», написанной в последние 10-12 лет жизни художника (галерея Руссова), по статье П. Нилуса, 1910 г. Это «Ранняя весна», 1915 г. Д. м., 44,8×53,6. Спр. вн.: К. Костанди. Повторение. 1915. ОХМ.

¹⁵ «Цветет акация» по каталогу персональной выставки Костанди 1952 г. Х. м., 64×85,5, 1912. Как пишет Лазурский: «...Эта вещь осталась непроданной. Быть может, сюжет ее показался публике слишком простым: справа дерево цветущей акации, вдаль виднеются дачи в зелени, на лужайке небольшие фигурки играющих детей, мальчика и девочки. Костанди упорно работал над этой картиной, первый раз сделал ее темперой, второй – маслом. Художники очень высоко ценят «Цветущую акацию», написанную во вкусе импрессиониста Клода Моне; в ней поражают обилие воздуха и света, красивые пятна, нежность тонов».

¹⁶ Кушелевская галерея – галерея картин западноевропейской живописи (до Окт. рев.). Согласно завещанию графа Н.А. Кушелева-Безбородько, галерея поступила в Академию художеств в 1862 г.

¹⁷ См. примеч. 6.

¹⁸ В 1885 – эту дату мы можем найти в книге В.С. Серова «Как рос мой сын». Ред. И.С. Зильберштейн. Л., 1968, стр. 228.

Ул. Софиевская, дом 18, – это мастерская, которую снимали художники в доме Эдуардса.

¹⁹ Одесса. Акт от 16 июля 1926 г. Приняты из церкви военного училища в ОМЗВИ иконы, написанные К.К. Костанди: «Благовещенье», х. м., 155×133; «Вознесение», х. м., 125×158; «Успение», х. м., 157×34; передал ответственный религиозных общин города. Есть о «Благовещенье» после Великой Отечественной войны: по акту № 33 от 9 декабря 1945 г. в ОМЗВИ обнаружена картина «Благовещенье», х. м., 133×157. ОМЗВИ, Инв. кн. № 9, русское искусство и русская живопись. РЖ-6, картина «Благовещенье» в 1960 г. передана в Донецкий худ. музей. Там значится с размерами 133×158. Ж-328, КП-624.

²⁰ «Старички», 1891 г. Д., м., 27×42. Спр. вн.: К. Костанди 1891 г. Согласно каталогу собрания Киевского Национального музея, была на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. и награждена медалью. Далее мнения расходятся: В.А. Афанасьев упоминает работу «Ранняя весна» без даты; А.Н. Шистер – «Ранняя весна», 1896 г., В.Ф. Лазурский – «Идущий монах», и картина награждена большой бронзовой медалью.

Публикация и комментарии Марины Верховцевой

